

ГЕРОЙ ВНЕ ВРЕМЕНИ

Это было очень неожиданным, когда пять лет назад во время съемки большого интервью Юрия Владимировича Завельского попросили прочитать на выбор одно из своих любимых стихотворений XIX века, и он прочитал Лермонтовского «Гусара». Зато сразу стало понятно, кому будет посвящен один из двух основных школьных праздников 2014 года. Двухсотлетие поэта выпало на осень (14 октября), так что дата определилась окончательно – День Гимназии. 14 декабря 2013-го и 13 декабря 2014-го – между двумя Днями Гимназии ровно год и замена тройки на четверку. Замена тройки на четверку, как не раз уже бывало в истории 43-ей школы, продолжательницы традиций 34-ой.

ДЕНЬ ГИМНАЗИИ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛЕРМОНТОВУ

День Гимназии, как и всегда, начался в 9 утра праздником младшей школы, где самым масштабным стало выступление 6Б под руководством О.Э.Шейниной. Яркий главный герой в стильной шляпе, замечательный вальс в масках, перерезанный стихами. Однако, меня сначала очень смутила сцена посещения царем Николаем I Московского Благородного Пансиона, расадника вольнодумства по образцу Царскосельского лицея, где учился и Лермонтов. Встреча царя с учащимися была показана в виде смешной сценки под музыку с очевидно еврейскими мотивами. «Ну как же так, - думаю, - как это может быть?! XIX век, православный царь, черта оседлости...» Но тут музыка стихает, царь умиряет шепотных школяров и читает собственный указ о закрытии Благородного Пансиона и переформировании его в обычную среднеобразовательную школу в виду несоответствия вновь принятым образовательным стандартам, требованиям унификации, субординации и т.п. Не помню точно, как в то время это формулировалось, но смысл ясен: «Слишком свободных и умных детей растите. Отставить!» – «Ага, намек ясен, - думаю, - Bravo, Ольга Эдуардовна! И с еврейской музыкой тогда все понятно». Уже не первый год замечаю, что острые намеки на школьных праздниках постепенно распространяются от вечеров старшей школы на детские утренники.

Да и в целом жанры и приемы выступлений старшей и младших школ постоянно проникают друг в друга, что для всех полезно, и не позволяет выступлениям законсервироваться. Как раньше проходили дни, посвященные творчеству того или иного поэта? Младшие честно учили и читали стихи, а старшеклассники – те уже выдумывали что-то оригинальное, пытаясь вышивать поверх великого образа свои скромные узоры. Теперь же все изменилось и смешалось. Семиклассникам теперь тоже хочется заниматься не просто чтением стихов, а литературоведческим анализом, шестиклассникам – серьезными авангардными постановками со свисающими с потолка канатами, алыми и белеющими парусами, увлеченно и со вкусом играть световыми приборами и смыслами. Зато самый старший класс, 11Г, в этот раз, напротив, честно декламировал залу стихи Лермонтова, причем не стесняясь самых хрестоматийных, читай – лучших. И Директор, кстати, тоже читал «Белеет парус одинокий», просто читал, без канатов и парусов. Но остальным это почему-то сложно. Наверное, стесняются показаться чересчур простыми. Но почему? Гениальность в простоте. И какое же это, на самом деле, наслаждение – слушать чистую лермонтовскую поэзию, без пояснений, без комментариев, без биографических справок и мнений современников гения о характере Михаила Юрьевича... Театр, безусловно, одна из самых сильных сторон гимназии, но он иногда мешаает слышать чистую поэзию.

Поэтому большое спасибо всем, кто решился все-таки читать на лермонтовском празднике стихи Лермонтова. Спасибо 7А за «Мцыри», Маше Потаповой за «Ангела», трогательному мальчику из 5Б, читавшему стихи и так похожему на детские портреты поэта, девочкам с колыбельной из 6Б, «И скучно, и грустно...» из 8Г, «Булатный мой кинжал» из 5А, спасибо 7Б за «Купца Калашникова», особенно Алёне Дмитриевне, 7В за «Полдневный жар», Ивану Маркову за «Демона», ну и, конечно, Елене Дмитриевне Волжиной за полчаса чистой поэзии, в котором были замечательны все, а если сейчас назвать навскидку, то Лиза Сенаторова с «Поколением», Лиза Анташян с «Немытой Россией», Боря Купаев с «Дагестаном», Лиза Подколзина с «Молитвой» и, конечно, Герман Бароян с «Родиной» и «Дорогой», а так – все.

Из 7 часов отснятого за день материала я отобрал только стихи – получилось около 40 минут. Немного. Да, наверное, и биографические детали важны, но их, в конце концов, можно прочесть и самому, если стало интересно, если затронуло – и про то, как поэт жил, и где родился, и зачем стрелялся, но все это без его поэзии не имеет смысла и просто скучно. Как же важно успеть в школьные годы зацепить молодого человека хорошими стихами! И как важно для него, зацепленного, проглотившего эту наживку, слышать, как его ровесники читают и понимают (а ведь когда читают вслух, то сразу ясно – понимают или нет) те стихи, которые и он сам про себя читает, когда скользит по утреннему темному юго-западному льду от метро к зданию школы.

Отвлекаясь, расскажу, что когда Е.Д.Волжина написала к 35-летию школы шутку «Экватор Завельского» о мыслях нашего Директора по пути из дома до школы в разные эпохи становления гимназии, то Юрий Владимирович, посмеявшись вместе со всеми, сказал, что получилось, конечно, очень остроумно, но он никогда ни о чем похожем не думал, а пути из дома до школы всю жизнь читает про себя стихи.

А много ли взрослых людей сегодня по пути на работу читают про себя стихи? Или у персонажей нашего времени такой потребности более нет?

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИГРА

Времена, когда старшеклассники блистали на Дне Гимназии своими знаниями или догадками об истории, искусстве, литературе выбранного периода, а посмотреть на это состязание собиралось полшколы, давно миновали. Старшие классы сгрузили это обременительное удовольствие классам средним, а средние еще этого «не проходили». Хорош семиклассник в игре по Лермонтову, если «Героя нашего времени» читают в девятом. Что же он будет делать с Чеховым, Толстым, с писателями XX века? Можно было бы специально подготовиться к игре на заданную тему, но некоторые участники почему-то узнавали о ней за 10 минут до ее начала, и о том, «кому идти в команду», кидали жребий на пальцах. Впрочем, как можно было бы заранее подготовиться к такой игре, тоже непонятно. Потому что вопросы в ней, конечно, очень интересные, а порой и по-настоящему остроумные, но как будто составлены они были для кого-то другого, кто на игру не пришел. На две трети вопросов команды ответить не смогли, и организаторам пришлось по ходу игры срочно менять правила и начинать давать подсказки, чтобы сохранять лицо. Ну как можно задавать семиклассникам подобные вопросы: «Какой актер снимался в 1965 году в эпизодической роли в кинофильме «Герой нашего времени», в 1986-ом сыграл в некоем документальном фильме самого М.Ю.Лермонтова, а широкой публике известен по двум ролям у Тарковского? Подсказка – у Тарковского он снимался совсем молодым». Отличный вопрос, если с подсказкой. Но почему школьник к 12-ти годам должен не просто успеть посмотреть такой серьезный фильм, как «Андрей Рублев», но еще и запомнить имена актеров? И все это в виде подготовки к игре по поэту Лермонтову?! Одна команда не отвечает, получает минус два очка, другая не отвечает, получает минус два очка, в итоге находится во всем зале (все-таки 1543) одна робкая рука:

«Николай Бурляев... да?» Но так же нельзя! Нельзя же все время, во всем, и на уроках, и на праздниках, выезжать на самых-самых, на особенных, на одаренных (одаренных, между прочим, природой), а большинство учеников постоянно унижать (если те сконцентрированы на учебе) или расслаблять (если те и без того пофигисты) ощущением собственной никчемности, невежественности, бездарности – «Ты ничего не знаешь, ты ничего не умеешь, ты ничего не можешь! Если тебе в чем-то в этой жизни и повезло, так это быть учеником 1543».

Предлагаю игру в таком виде больше не проводить. Либо отменить ее вовсе, либо чем-то оживить. Возможно, как это делается на матчах, ввести собственные перекрестные вопросы между командами и оппонирование друг другу.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ

Но вернемся к театру. Фрагменты из пьесы «Маскарад» поделили между собой И.В.Дорожинская и М.А.Кукина. У Ирины Викторовны в 7В замечательные ребята с большим актерским потенциалом, им обязательно нужно в следующем году, когда тревоги и волнения 7 класса останутся позади, поставить серьезный спектакль с костюмами. Мальчики очень смешно и достоверно играют, а танец девочек в серых платьях с красными лентами и черными масками был одним из самых выразительных. Упор в постановке был сделан на актерскую игру при минимуме технических и визуальных средств. Постановка Маргариты Анатольевны, напротив, кружила танцами (все актеры, разумеется, были в черном) и гремела музыкой так громко и монументально, что сам лермонтовский текст на ее фоне как-то сник. Всем героям драмы приходилось произносить свои слова как бы борясь с этой стихией хаоса, стихией Маскарада, выраженного музыкой. Это интересный режиссерский ход, и труппа явно очень увлеклась постановкой, так что у них, надеюсь, тоже много интересного впереди, но пока что только одному из них удалось перекрыть, переиграть, перекричать музыку – красавцу Арбенину, который в будущем, разыгравшись, вполне мог бы соперничать на школьной сцене с Потаповским Демоном.

У Ольги Евгеньевны получилось целое кружево из трех мистических произведений – набоковской «Сказки», булгаковского «Мастера» и лермонтовского «Демона», герои которых так стремительно перемещались между ними, что я не всегда успевал разглядеть швы сценария и стыки трамвайных рельсов. Постановка получилась новаторской и при этом очень живой, в ней основательность исходных текстов с лихвой компенсировалась тонко связывающей остроумной линией транстекстуальных параллелей (чего стоит одна только переключка между набоковским чертом в женской юбке и булгаковской Маргаритой), а сценическое воплощение силами 9Г, как и всегда, легкое, игривое, почти порхающее.

Тяжелая артиллерия ударила позже. Елена Дмитриевна перемешала тексты двух современников николаевской России – Лермонтова и Герцена и вложила их в уста своего 11Г. Это было жестко, веско, мрачно. Без тени улыбки, почти без движений, только тексты и горящие глаза читающих. Это большое мастерство – сказать то, что сказать считаешь своим долгом, и при этом ни слова от себя, только цитаты из классиков. Получился интересный эксперимент, порой тексты двух авторов до того плотно накладывались друг на друга, что различить их можно было только по тому признаку, что один из двоих писал прозой. Иначе можно было бы подумать, что «Печально я гляжу на наше поколение» – это Александр Иванович, у которого с Михаилом Юрьевичем всего два года разницы.

Это действительно был настоящий сравнительный эксперимент, главный итог которого мне видится в том, что при таком тщательном наложении текстов Лермонтова и Герцена друг на друга становится понятно, что совмещаются они только локально, только на коротких промежутках, а, если по всей совокупности творчества, то они расходятся, и расходятся сильно. Расходятся не просто налево-направо по политическим предпочтениям и взглядам на судьбы России, а расходятся куда как безнадежнее – Герцен гулко, почти громоподобно, но мерно, на одной и той же ноте, бьющий в свой тяжеленный лондонский колокол, уходит куда-то в глубины истории, а Лермонтов, бесспорно, поднимается ввысь, в свое «голубое сияние», в свое ангельское небо, прочь от «скучных песен земли»...

И неправ Герцен, впервые так осмелюсь сказать о великом, но – да, неправ Герцен, повторяя за Чаадаевым: «У России нет будущего». У России всегда есть будущее. Всегда есть, чем удивить детей своих – и такие высоты, и такие бездны, что бедному Герцену и не снились. И не ведал он, кого, разбуженный декабристами, разбудит сам...

А вот Лермонтов почему-то это знал, хотя прожил вдвое меньше современника:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь - и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! - твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.*

Как он мог знать?! Как мог так точно угадать? «Гений – это интуиция», как скажет в своей Лермонтовской речи Ю.В.Завельский. Гений пишет пять строк в десять минут, а потом ученые-филологи десятилетиями разбирают их, ищут скрытые смыслы и, что особенно удивительно, находят и доказывают нам, что здесь аллюзия на то-то и можно понять это вот так-то, и мы даже сами внутренне соглашаемся с этими доводами, только непонятно, когда гений за свою короткую жизнь успел прочитать столько книг и так математически выверить свой стих, чтобы уместить там все многообразие этих смыслов, а ведь желательно, чтобы это еще и красиво звучало... Нет, гений ничего не просчитывает. Гений – это интуиция. Он необъяснимым образом чувствует все.

ЛЕРМОНТОВСКАЯ РЕЧЬ Ю.В.ЗАВЕЛЬСКОГО

Лермонтовская речь явилась кульминацией всего праздника. Звучащими в ней нотами грусти, иронии, очарования поэтом и горя от его ранней гибели она объединяла столь отличающиеся по духу и стилистике выступления разных классов. Слова Директора создали пронзительное ощущение сопричастности, соприкосновения с Лермонтовым почти что через одно рукопожатие, рукопожатие человека, для которого поэт стал «необходимым собеседником», который переживает и пропускает через себя его строки и чувства, как строки и чувства близкого ему по духу и времени мыслителя.

Юрий Владимирович так любит Лермонтова, так по-особенному тепло к нему относится! Лермонтов поистине поэт юности. То есть, поэт тех, кто молод духом. Молод духом в силу возраста или в силу склада своей натуры. И мне уже не в первый раз кажется, что Завельский – самый молодой учитель в 1543, а вот сейчас, во время этой речи, показалось, что он моложе и меня самого. Он не просто пронес через годы свои честь-воображение-волю, но сохранил их свежими, острыми, крепкими. Он молод не привычной разбитной, а особенной, мудрой и немного печальной, даже в чем-то одинокой, молодостью, которою всегда был и всегда будет молод его Лермонтов. Юрий Владимирович, как и Лермонтов, герой вне времени.

КАПУСТНИК

КВН с классическим подсчетом очков, наконец, отменен. Большое спасибо! Зрелищность мероприятия от этого никак не пострадала, зато больше справедливости, меньше обид. А что касается отсутствия без подсчета очков мотивирующего участников «соревновательного духа», так он же никуда не делся! Можно подумать, что без жюри наш зал сам не сообразит, кто выступил блестяще, а кто провалился. Жюри же постоянно стояло перед дилеммой – указать явно проигравшей команде на это при всех, и тем еще больше огорчить тех, кто и так уже начинает считать, что зря вложил в постановку столько сил, умения и времени, или подогнать очки под трусливое «победила дружба»? Еще один положительный момент от трансформации КВН в «серию капустников» в том, что каждая команда выходит на сцену всего с одним выступлением, а не с двумя-тремя. Выступления получаются собраннее, лаконичнее и композиционно стройнее – с началом и концом. Жалко, пожалуй, только быстрых остроумных ответов команд на сцене, это часто получалось хорошо. В целом, повторюсь, выбранный жанр «капустников отделений» мне кажется правильным и оптимальным. Только нужно, наверное, еще придумать, как завершать его ярким коллективным финалом.

Поскольку команды собраны из представителей старших классов одного отделения, то обыгрывается в первую очередь разница между ними. Если сделать на следующем капустнике две команды не по профессиональному, а по гендерному признаку, то играть будут в «мальчики – не девочки», а пока играют в «математики – не гуманитарии», «физхимики – не биологи» и т. д. Этот путь всегда успешен. Главное, идя по нему, не забывать такую простую вещь, что специфическую шутку, то есть, шутку, основанную на терминах, понятных только вам самим и вашим товарищам, не стоит на весь актовый зал повторять дважды, трижды, а порой и четырежды. Если ваше выступление окажется короче других, никто вас за это не осудит, напротив – будут благодарны.

Итак, для «капустника отделений» тема «мы – не они» всегда успешна, и все этой дорогой ходят. Пошла по ней в этот раз и команда биологов. Само по себе это, разумеется, ожидаемо. Неожиданно другое. Неожиданно то, что пошла она по ней совершенно в обратную сторону! Да-да, влекомые вперед Надеждой Сергеевной Глаголевой и подталкиваемые сзади Маргаритой Анатольевной Кукиной, биологи своей зеленой сороконожкой (как метко окрестил нынешний образ био-команды А.В.Кузнецов) на этой знакомой всем тропинке развернулись в прямо противоположную сторону. Биологи сыграли сумасшедших, которым кажется, что они математики, гуманитарии, физики, и они всем пытаются это доказать, в первую очередь – самим себе, потому что, кем они точно не хотят быть, так это биологами. Им надоели препараты, им отвратительны части тел насекомых, сами эти липкие и ползучие термины их замучили, им вовсе не хочется в поход, в дождь, в палатку к Сергею Менделевичу, и, более того, они с ужасом понимают, что не могут даже простого стихотворения Лермонтова прочитать, чтобы не сбиться на свои физиологические ассоциации. Это так страшно... Всерьез страшно...

Пожалуй, это было самым мощным выступлением в том плане, что его юмор постепенно перешел в полноценную сатиру (сатиру социальную, горькую, сатиру даже не Гоголя, а уже Салтыкова-Щедрина), а в самом финале дорос практически до замятинско-оруэлловской антиутопии, когда каждый отдельный человек ничто, всего лишь винтик, лишь еще один кирпич в стене, лишь одна из зеленых сороконожких ножек, лишь еще один несчастный биолог... Это было и смешно, и серьезно одновременно, и думалось, что нужно иметь немало мужества, чтобы вот так показать себя и свое любимое дело. Надеюсь, что дело, все-таки, любимое, а ключевые образы постановки рождались в голове Маргариты Анатольевны, а не самих учеников, и что во всем этом больше художественного гротеска, чем настоящей психиатрии.

Команда физиков изобразила совершенно иное, можно даже сказать, противоположное. Она изобразила не массу, а личность, «маленького человека», в терминах классического русского литературоведения. Хотя тут вышла некоторая путаница, и пару раз прозвучало не «маленького», а «лишнего человека» (возможно, потому что ДГ был по Лермонтову, а не по Гоголю), но Никита Ермолаев, безусловно, играл не Онегина-Печорина, а Акакия Акакиевича. И чтобы ни у кого не осталось в этом сомнений, авторы постановки даже сняли на видео сценку у школьной раздевалки, куда несчастного затюканного чиновника с его поношенной шинелью не пускают задорные однокашники. Приключение забитого учителями ребенка по тернистым тропам 1543 – это абсолютно новая, но давно назревавшая тема для ученического капустника. Молодцы, нашли жилу! Думаю, что эта тема в разных вариациях еще неоднократно повторится на сцене. Самый запоминающийся образ выступления – ярко одетая, пышущая здоровьем, статная дама-педагог тащит за ухо ерзающего щуплого школяра с невымытыми волосами. Я только никак не мог понять, почему они использовали именно женский образ. Да потому, понял я только на следующий день, что подавление маленького большим, астрономически большим, еще нагляднее, если маленькое – мальчик, а большое – женщина. Да и, как мы узнали из набоковской «Сказки» Ольги Евгеньевны, Демон – это необязательно мужчина.

Но самая чудесная сцена команды физиков – это, конечно, «Операция Марфа». Герою, остро желающему перестать быть «маленьким человеком», дается для этого заведомо невыполнимое задание – объяснить девушке из гум-класса по имени Марфа закон всемирного тяготения. Это было очень смешно и очень точно, так знакомо и так понятно каждому. Ну кто из нас, мальчиков 43 школы, не пытался объяснить той или иной девушке из гум-класса, что сила притяжения двух тел прямо пропорциональна их массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними? Какой мальчик этого не пытался делать? Ну, разве что сам был из гум-класса.

А вот гум-класс должен был бы выступить последним. У него у одного был такой финал капустника, который мог бы стать финалом всего школьного праздника. Ведь такой финал должен быть не только мощным, но и теплым. Елене Всеволодовне и ее команде это удалось лучше всех. Но пойдем по порядку, от начала. Во-первых, гуманитарии хорошо играли, гуманитарии смешно шутили, а главное, шутили на своем профессиональном и одновременно общедоступном языке (им, конечно, повезло, что в их учебниках не многочлены и членистоножки, а все больше про настоящую любовь). Во-вторых, половина команды была из 11Г, которые вообще героини дня, поскольку это единственный из всех выпускных классов, который принял участие в Дне Гимназии, да еще и сделал это дважды – и в серьезной постановке по Герцену, и в капустнике. (Неужели нам посчастливилось увидеть их и весной на Дне Культуры?) В третьих, гуманитарии сделали три классные пародии – замечательного Хачатуряна, феерическую (а какая она еще может быть?) Волжину и по-доброму остроумно изобразили многостаночницу-Кукину, которая только на этом Дне Гимназии поставила ни много, ни мало три капустника и один «Маскарад»! (Кстати, все ли заметили, что впервые в истории про Кацву почти ни разу не пошутили? Спасибо гум-классу, хоть полусловом вспомнили под грузинской фамилией, не нарушили канонов и столпов). В четвертых, гуманитарии единственные, кто продолжал упрямо следовать выбранной лермонтовской теме – Грузия, таманские контрабандисты, Ундина, рукопашный бой купца Калашникова, сюжетообразующая фигура Демона (Я бы только не ставил на эту роль Борю Купаева. Ну какой он демон? У него на лице написано, что он хороший человек). Хотя, если быть точным, то команда выпускников тоже следовала Лермонтову, и даже переписывала его стихи, за что им отдельное спасибо. Кстати, лермонтовские стихи переделывали не только выпускники, но и биологи, и физхимики. Даже странно, почему по беспроегрешному пути поэтических пародий не пошли сами гуманитарии. Быть может, для гуманитарного слуха это звучит кощунством.

И, наконец, финал. Дело в том, что тема капустника Алексеем Валерьевичем была заявлена такая: «В поисках героя нашего времени». Каждая из команд в конце выходила на своего героя. Биологи скромно предложили в героини самих себя, физики (еще более скромно) Никиту Ермолаева, математики Мэрилин Монро (оригинально, только, к сожалению, непонятно), а вот выпускники заявили об отсутствии в нашем времени своего героя, изящно перевернув в обратную сторону: «Вот время – наш герой». Елена Всеволодовна же и команда гуманитариев сделали своего Героя так – выстроили сюжет в виде непрерывного поиска уставшим творить зло Демоном своей потерянной на Земле Тамары. После каждой сценки он спрашивает всех – не Тамарами ли их зовут, но это имя теперь так редко, что он никого не может найти. И кажется уже, что поиски Тамары – это просто затянувшаяся и напрасно много раз повторенная шутка, как вдруг в самом конце, после очередного зажигательного модного танца, на сцене появляется уборщица в синем халате с метлой: «Ходят тут, ходят, топчут, а Тамара везде успеет, Тамара все приберет, везде подметит...» И получается, что поскольку мы все время ждали появления человека с этим именем, то, когда он, вернее она, наконец появляется, то мы без всяких дополнительных объяснений, сразу понимаем, кто «Герой нашего времени», и принимаем это искренне и всерьез. Она уборщица, моющая за всеми зал, смывающая с театральных подмостков следы всех блиставших здесь «псевдо-героев», они мимолетны, а она занята делом, без которого не сможет работать школа. Эту роль замечательно исполнила Лиза Кононова из 10Г. Уборщице же посвящена и финальная песня –

*За нами все подметет и вымоет все доски,
Вы только верьте в нее и жить вам будет просто.
Пусть незаметна порой, ей лунный свет – награда
Но вот эпохи герой – уборщица Тамара...*

По давней, еще советской, демократической традиции 43 школы уборщицы считаются частью коллектива, поэтому они не только постоянные участники больших учительских праздников и посиделок, но и фотографируются вместе с учителями на общих юбилейных снимках. Уборщицу Тамару вы можете найти на общей учительской фотографии, что висит на главной странице сайта гимназии.

Как это просто – быть нигилистом, как немного нужно душевных сил, чтобы отрицать свое общество, окружение, страну, ниспровергать и развенчивать кумиров, радостно выискивать у великих людей мелкие пороки, как легко смеяться тогда и над самим собой, ничего не стоящим, легким. И как сложно что-либо создавать, создавать из ничего, создавать из разрушенного прежде, из того, что лежит под рукой, создавать самые простые вещи – образы добра, любви, надежности, и не только говорить о мировом гуманизме, но и самому быть гуманным человеком, а не просто «гуманитарием».

POST SCRIPTUM, ИЛИ ТРИ ЛУЧА НАДЕЖДЫ

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.*

Но я люблю — за что, не знаю сам...

Прошла уже неделя после Дня Гимназии, а во мне все еще звучит это стихотворение Лермонтова. Оно мне нравилось с детства, но окончательно я понял его, наверное, только на собственном выпускном вечере, когда, наслушавшись дифирамбов в адрес школы, вдруг предельно ясно осознал, что если любишь по-настоящему, то не «за что-то», а «просто так», и что школу свою люблю не за ее грандиозные успехи и достижения, и что, будь она самой обычной дворовой сельской школой – любил бы точно также. С той поры любовь к своей школе и любовь к своей стране развивались в моей душе до странности синхронно, постоянно воздействуя друг на друга. И в этом смысле поколение классиков – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, которые были одновременно и независимо мыслящими людьми, не боявшимися огорчить окружающих правдой, и патриотами своей страны – пример нам всем.

«Слава, купленная кровью...» Наверное, слава всегда покупается кровью. Или потом. Или слезами. Потом учителей. Слезами учеников. Кровью родителей. Учителей гимназии 1543 можно упрекнуть во многом – в интеллигентности, в наличии широких знаний в самых разных сферах наук и искусств, в серьезности, в незашоренности, в честности и открытости, в таланте, наконец. Единственное, в чем их упрекнуть нельзя – в чрезмерной доброте. Добрые учителя в 1543, безусловно, тоже есть, но их а) немного, б) им часто приходится это немодное качество скрывать от коллег. Замечательная песня учителей в форме обращения к выпускникам на капустнике: «Приводите, приводите к нам скорей своих детей» звучит, к сожалению, для ушей некоторых из тех выпускников, кто

своих детей сюда все-таки привел, как что-то вроде песенки Карабасов-барабасов. Да, большинство учеников 1543 с честью выдерживают такие выпадающие на их долю время от времени испытания, как несправедливые упреки, публичное унижение, моральное давление, необоснованные никакой логикой огромные, часто пустые задания и холодная насмешка на фоне проливаемых слез. Большинство только закаляются в этой борьбе. Но ведь кто-то и ломается. Ломается психологически и всерьез. Сколько их, талантливых и способных, ушли из нашей школы, доведенные до нервного срыва кем-то из учителей? Один на каждый класс? Один на каждую параллель? Один на десять лет? Какую цену нам не жалко заплатить за успех остальных? И дело тут совсем не в моральных вопросах о «цене слезы ребенка», а гораздо серьезнее – дело в том, что такая травма может никогда потом не зарости, в какой другой школе не учись и сколько таблеток не пей. Так что это может навсегда остаться на совести конкретного учителя.

Но надежда есть. На Дне Гимназии этого года блеснули сразу три своеобразных «луча надежды». Один из них на сцене – это гуманистический финал капустника про уборщицу Тамару. Второй луч блеснул из зала. Дело было так. Одно из утренних выступлений очевидно провалилось, получилось неярко, невнятно, зажевали текст. Зал не шелохнулся, не начал ерзать, хотя сидели уже давно и устали. В конце один мальчик не просто осекся, а прочно забыл слова, и ушло не менее целой минуты, пока он в страшном волнении искал текст по всем карманам. Зал, который и до этого слушал внимательно, теперь просто натурально замер, перестал дышать. А нынешние залы в 1543 действительно умеют слушать, в былые годы смешок или даже острая реплика были бы вполне в порядке вещей, но тут – гробовая тишина. И вдруг сквозь нее – аплодисменты поддержки. Он находит текст, дочитывает. Конец выступления, поклоны. Гром аплодисментов – сильнее, чем на предыдущих удачных выступлениях других классов. Команда уходит за синий занавес, начинается зажигаться свет, начинается какая-то движуха, кто-то уже передает микрофон Ларисе Давыдовне, и тут выступавшие дети как раз завершают за кулисами спуск со сцены, край синей шторы рядом с окном чуть дергается вправо, и они потихоньку, серыми мышками, проникают в зал, стремясь в нем поскорее раствориться. И тут зал взрывается овациями в третий раз! Кто-то даже встает. А я думаю: «Какие же добрые у нас дети! До чего же прекрасна доброта. Как же благородно снисхождение. Почему учителям не брать с них пример? Почему не реагировать на неудачи и ошибки учащихся подобным образом? Не страшно запнуться и ошибиться, если на это так реагируют. Такая реакция твоих одношкольников для воспитания твоей личности куда дороже и важнее хорошей постановки. Ведь, как ни крути, там лишь игра, а тут – жизнь. Твоя жизнь.»

Третий луч блеснул мне уже после Дня Гимназии, на другой день, когда в Интернете я заговорил с одним из старшеклассников:

- Привет, замечательный был капустник.
- Ага, отличный. Очень понравился
- А ты чего не вышел со своим классом, как раньше?
- Так..... я же теперь учусь в другой школе. Приходил только посмотреть.
- Да?... Как жаль. Что случилось?
- Не хочу жаловаться...
- А все-таки? Замучили?
- Ну...
- Я не из праздного любопытства. Мне, как «историку школы», надо это знать.
- Ну, Вы же знаете, что я учился на S-отделении...
- Хм.. NN?
- Ага, верно, NN.

- Ну понятно. Угадать несложно. Только ты 1543 не забывай, как бы они с тобой не поступили. Некоторые учителя нашей школы бывают недобры и несправедливы, но 1543 - это больше, чем они. И это даже больше, чем все учителя вместе. Как пели два года назад выпускники на КВН: "Те, кто хоть раз попал сюда - навек мои друзья". Так что держись!

- Да, это так! 1543 навсегда в моем сердце и то, что я теперь учусь в другом месте, ничего для меня не значит. Спасибо большое за поддержку, такая поддержка в очередной раз подтверждает тот факт, что люди из 1543 - прекрасные люди! И сюда я все равно буду приходить, потому что каждый праздник переживаю здесь очень много сильных чувств. А то, на что способен Юрий Владимирович... Для меня он гений. И я очень горжусь тем, что знаю его. Постоянно читаю о нем в газетах и на разных сайтах. Даже в моей новой школе один из учителей посвятил целый урок рассказу про Завельского, что было очень неожиданно, но безумно приятно...

Сергей Павловский
21.12.2014